
ЛЮБИШКИН ДМИТРИЙ
МИР,
СЪЕДЕННЫЙ
ЗАЖИВО

Дмитрий Любишкин

Мир, съеденный заживо

https://litres.ru/74115593
SelfPub; 2026

Аннотация

Одна доставка еды.

Одна ошибка.

Один организм, который не должен был существовать.

Когда Марина заказывает роллы из нового ресторана, она ещё не знает, что становится первым человеком, столкнувшимся с древней формой жизни, скрывавшейся под землёй задолго до появления цивилизации.

Через несколько месяцев города погрузятся во тьму, связь исчезнет, а человечество узнает страшную правду: оно никогда не было вершиной пищевой цепи.

«Мир, съеденный заживо» — масштабный космический хоррор о конце человеческой эпохи и рождении нового хозяина Земли.

Содержание

Начало 4
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Дмитрий Любишкин
Мир, съеденный заживо

Начало

Марина жила одна.

Однокомнатная квартира на двенадцатом этаже — кухня, совмещённая с гостиной, спальня, балкон с видом на проспект. Этого хватало. После работы она редко готовила: плита покрывалась пылью, духовка служила полкой для сковородок, которыми никто не пользовался.

Её настоящей страстью были роллы.

Она знала наизусть меню трёх десятков ресторанов. Помнила, где подают лучший спайси-соус, где кладут настоящий лосось, а где подменяют его форелью. Собирала бонусные баллы в шести приложениях и однажды, на спор с коллегой, с закрытыми глазами определила сорт рыбы по текстуре на языке.

Роллы были её ритуалом. Наградой за каждый прожитый день.

В тот вечер — дождливый, тёмный, по-октябрьски тяжёлый — она вернулась домой около восьми. Ветер швырял голые ветви тополя в стекло, и от каждого удара по квартире расходился тихий дребезжащий звон.

Марина сбросила кроссовки, не развязывая шнурков, бросила сумку у порога и потянулась к телефону.

— Сегодня — большой сет. Точно заслужила.

Она произнесла это негромко, ни к кому не обращаясь, но собственный голос в пустой квартире успокоил. Так бывает, когда живёшь один: начинаешь разговаривать сам с собой, и в этом нет ничего странного — пока не задумаешься.

В приложении нашёлся новый ресторан. «Умами». Открылся неделю назад, рейтинг 4.8, отзывы восторженные. Фотографии выглядели так, словно роллы снимали для журнала: идеально ровные срезы, глянцевая рыба, капельки соуса на белой керамике.

Она заказала большой сет: двенадцать с лососем, восемь с тунцом, восемь с сыром и угрём, мисо-суп, имбирь, васаби. Время ожидания: пятьдесят минут.

Марина приняла душ, переоделась в мягкую футболку и шорты, заварила чай. Потом села на диван и стала ждать.

Курьер позвонил в домофон через пятьдесят три минуты.

Она открыла дверь и сразу почувствовала лёгкое беспокойство — из тех, что замечаешь не разумом, а чем-то древним, спрятанным глубоко в позвоночнике.

Мужчина стоял на пороге, держа бумажный пакет обеими руками. Обычный курьер — зелёная куртка, термосумка через плечо, мокрые волосы. Но он не сказал ни слова. Ни «добрый вечер», ни «ваш заказ», ни номера. Просто протянул пакет.

Марина взяла.

Курьер развернулся и пошёл к лестнице. Не к лифту — к лестнице. На двенадцатом этаже.

— Спасибо, — машинально сказала она ему в спину.

Он не обернулся.

Дверь на лестничную клетку закрылась с глухим металлическим стуком.

— Странный, — пробормотала Марина, запирая замок.

Позже она будет прокручивать этот момент снова и снова. Лицо курьера — точнее, отсутствие всякого выражения на нём. Глаза — неподвижные, тусклые, как стеклянные пуговицы на старой кукле. И запах, который она уловила на секунду, когда он стоял в дверном проёме.

Не пот. Не дождь.

Что-то кислое, органическое. Как забытое на подоконнике мясо.

Но в тот момент она об этом не задумалась.

На кухне Марина разложила коробки на столе. Четыре чёрных контейнера с прозрачными крышками, пакетики соевого соуса, палочки, салфетки. Роллы выглядели красиво — даже лучше, чем на фотографиях. Рис белоснежный, рыба уложена аккуратными лепестками, нори нигде не размокли.

Но когда она сняла крышку с первого контейнера, что-то царапнуло обоняние.

Не тухлый запах. Скорее, слишком живой. Так пахнет на

рыбном рынке ранним утром, когда улов ещё шевелится в ящиках.

Марина поднесла контейнер к лицу и вдохнула глубже.

Ничего. Запах исчез — или ей показалось, что он был.

— Показалось.

Она включила ноутбук, поставила очередную серию дорамы, взяла палочки и начала есть.

Первые роллы были прекрасны. Рис таял, рыба — нежная, сливочный сыр идеально дополнял остроту васаби. Марина ела медленно, с удовольствием, макая каждый кусочек в соевый соус.

Но на пятом или шестом ролле из сета с тунцом она остановилась.

Рыба внутри была другой. Более плотной. Текстура — волокнистая, почти жилистая, словно мышечная ткань, которую забыли отбить. И привкус — лёгкая горечь на корне языка, как от старого лекарства.

Марина поморщилась. Повертела надкушенный ролл в палочках.

И тогда — на долю секунды — ей показалось, что начинка дрогнула.

Не сдвинулась от движения палочек. Дрогнула. Сама по себе. Как сокращается мышца лягушки, когда через неё пропускают ток.

Марина рассмеялась.

— Боже, какая ерунда.

Доела ролл и потянулась за следующим.

К полуночи от большого сета не осталось почти ничего — пара кусочков, оставленных «на потом», испачканные салфетки, пустые пакетики от васаби. Марина почувствовала тяжёлую, тёплую сытость. Выключила ноутбук, почистила зубы и легла.

Дождь за окном не прекращался.

Ветер раскачивал фонарь на столбе, и по потолку спальни медленно плыли бледные пятна света.

Марина закрыла глаза и уснула быстро.

Она проснулась в 3:07.

Не от звука. Не от кошмара.

От боли.

Сначала далёкой — словно кто-то осторожно сжал горсть её внутренностей и отпустил. Потом ближе. Острее.

Марина перевернулась на бок, подтянула колени к груди. Знакомый жест из детства, когда болел живот.

Не помогло.

Боль нарастала толчками, как чужой пульс — медленный, тяжёлый, неотвратимый.

Она села на кровати, нащупала выключатель. Лампа не зажглась. Щёлкнула ещё раз — ничего. Где-то выбило пробки, или ветер повалил линию.

В темноте она прислушалась к своему телу.

Внутри что-то булькало. Не так, как бурлит живот от несварения. Глубже, тяжелее. Словно в чреве перекатывался

тугой комок, ища выход.

Отравление, — подумала Марина. — *Обычное пищевое отравление. Сейчас вырвет, и станет легче.*

Она спустила ноги с кровати и встала.

Первый шаг дался легко. На втором колени подогнулись. Судорога, похожая на удар током, пронзила тело от паха до горла. Марина охнула и вцепилась в дверной косяк. Пальцы соскользнули по краске.

И тогда — в полной темноте, босиком на холодном полу — она почувствовала.

Движение.

Под кожей.

Не спазм. Не перистальтика. Что-то скользнуло внутри — слева направо, от подреберья к пупку. Медленно. Целенаправленно.

Как движется рыба подо льдом.

Марина замерла. Опустила ладонь на живот. Кожа была горячей и влажной от пота.

Оно толкнулось.

Отчётливо.

Изнутри.

— Нет, — прошептала она. — Нет. Нет. Нет.

Дрожащими руками она задрала футболку. Свет фар проехавшей внизу машины скользнул по стене — на секунду осветив кухню.

Этой секунды хватило.

Чуть ниже пупка кожа натянулась изнутри, образуя продолговатую выпуклость размером с ладонь. Пока Марина смотрела, выпуклость сместилась вправо. Под кожей отчётливо проступали контуры чего-то длинного, сегментированного, извивающегося.

Живого.

Телефон лежал на кухонном столе.

Марина добралась до него, цепляясь за стены. Каждый шаг отзывался тупой давящей болью. Существо внутри затихло, словно прислушивалось.

Она набрала 103.

— Скорая помощь, диспетчер Коваленко, слушаю вас.

— Помогите. — Голос хриплый. — У меня что-то в животе. Оно двигается.

Пауза. Короткая, профессиональная.

— Назовите имя и адрес.

— Марина Турова. Проспект Победы, сорок два, квартира сто семь.

— Сколько вам лет?

— Двадцать восемь. Пожалуйста, быстрее...

— Бригада выезжает. Не кладите трубку. Вы беременны?

— Нет! Это не ребёнок. Оно шевелится под кожей. Я его *вижу!*

Пауза. Стук клавиш.

— Что вы ели сегодня?

— Роллы. Из нового ресторана. Там была странная рыба...

послушайте, я не сумасшедшая...

Боль вернулась — мгновенно, как взрыв. Марину согнуло пополам. Телефон выскользнул из пальцев. Она рухнула следом — сначала на колени, потом набок.

Существо металось внутри — хаотично, в панике. Каждый рывок отзывался ослепительной болью, от которой темнело в глазах.

Потом оно остановилось.

Замерло.

Изнутри донёсся звук — тихий, влажный, скрежещущий. Так звучит нож, когда его точат о мокрый камень.

Или зубы, когда они перемалывают хрящ.

Марина лежала на холодном кафеле и слушала, как что-то внутри неё ест.

Не её пищу.

Её.

Боль исчезла.

Совсем. Полностью. Как отрезали.

Вместо неё пришёл холод. Глубокий, ледяной, идущий из самого центра тела. Холод, который не согреешь ничем. Который означает, что тело перестаёт быть твоим.

И тогда Марина услышала смех.

Тихий. Тонкий. Почти детский.

Он длился секунду. Оборвался так же внезапно.

Галлюцинация. Болевой шок.

Смех повторился. Ближе.

Он шёл не из стен. Не из вентиляции. Не из соседней квартиры.

Он шёл из того места, где только что был её живот.

Что-то поднималось с пола.

Марина не видела — она чувствовала. Смещение воздуха. Колебание тепла. Запах — густой, сладковатый, как перезревший фрукт, забытый в закрытой комнате.

И звук: мокрый, хлюпающий шелест, будто нечто большое и бескостное разворачивалось, как цветок.

Молния ударила за окном.

Кухня озарилась голубым электрическим светом.

Существо стояло — если это слово применимо — в полутора метрах от неё. Выше холодильника. Его тело не имело скелета: непрерывно сокращалось и растягивалось, словно состояло из одной гигантской мышцы, покрытой полупрозрачной плёнкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.